

© *Растимешина Т.В., 2012*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ

Аннотация. В современной России растет значимость религиозного фактора, увеличивается политическая аудитория православных людей, идентифицирующих себя с православием как с традиционной религией. Поэтому в политике нациестроительства (политике идентичности) актуализируется и эксплуатируется информационно-символический ресурс традиционной религии – православия. Политический ресурсный потенциал религиозного фактора заключен в совокупности религиозных образов и символов, которые «православные» ассоциируют с российской государственностью и национальной историей.

Ключевые слова: религиозный фактор, глобализация, государственная власть, культурное наследие, легитимность, политика идентичности, нациестроительство, символическое насилие.

© *T. Rastimeshina, 2012*

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICS OF IDENTITY: THE TRENDS OF GLOBALIZATION AND THE CONSTRUCTION OF THE NATION IN RUSSIA

Abstract. In modern Russia the significance of the religious factor is growing, the political audience of the «Orthodox» people is increasing. They identify themselves with the Orthodoxy, considering it to be the Russian traditional religion. Informational and symbolic resource of the traditional religion (Orthodoxy) is actualized in modern Russia in the process of the nation politics construction (identity politics). The political resource potential of the religious factor is in the complex of religious images and symbols which are associated by the « orthodox believers» with the Russian statehood and national history.

Key words: religious factor, globalization, the state power, cultural heritage, the legitimacy, politics of identity, construction of the nation, symbolic violence.

В последние десятилетия исследователи отмечают все больше переплетений в тканях религии и политики, смысловых единств, пересечений и аллюзий [1; 4; 10; 13; 18; 19; 20; 21; 24; 27; 28]. Религия становится весомым политическим фактором во многих странах мира, причем ее значимость растет поступательными темпами.

Одним из главных катализаторов актуализации религиозного фактора считается глобализация. Когда теоретики зафиксировали состоявшийся факт – глобализация захлестнула мир, актуализация религии в политике была признана одним из ответов государств на глобализацию. Действительно, в глобальном мире религия имеет все меньшее отношение к вере, зато все более непосредственно она связана с культурной самостью, выступая как одна из идентификационных характеристик социальных и государственных

систем. Религия как традиция, культурные нормы и ценности становится дополнительным и довольно ярким цивилизационным маяком, базисным основанием социокультурных идентичностей, одним из устойчивых социокультурных кодов, ключей от цивилизаций. Поэтому в условиях глобальной текучести и неустойчивости религия используется социальными акторами как инструмент гармонизации социальных систем, очерчивания границ наций-государств, часто – как инструмент политик идентичности [5; 6; 7].

В России также наблюдается стойкая тенденция актуализации религиозного фактора: согласно масштабным исследованиям Института общественного проектирования, в 1991 г. православными в России называли себя примерно треть взрослого населения, а в 2006 году – две трети. Однако обратим внимание, что увеличение количества людей, причисляющих себя к православным, отнюдь не означает, что в России фиксируется рост религиозности, веры. В современной России *религиозная идентичность* (самоидентификация людей с той или иной религиозной конфессией) должна рассматриваться как широкое явление, выходящее далеко за пределы понятия религиозности или исповедания той или иной религии, тем более воцерковленности. Религиозная идентичность включает в себя весь спектр отношения людей даже не к конкретной религии, а к собственным представлениям о ней. Человек может идентифицировать себя с той или иной религией, не только будучи истово верующим, но и просто относя себя к нации и народу, для которых данное вероучение является традиционным.

Так, общероссийское социологическое исследование под общим названием «Социальная стратификация современного российского общества», высветило предельную широту понятия «религиозная идентичность». Согласно полученным данным, критерии «православности» очень широки, и «православные» России – очень разнородная по степени религиозности группа. Из 62% взрослого «православного» населения только – 8,5% активных верующих (несколько раз в месяц посещают церковь, регулярно причащаются), 20,8% – умеренных (в храме – 1 раз в месяц и реже), 21,3% – пассивных (заходят в храм по большим праздникам) [25]. Почти 46% из этих 62% при подробном опросе оказываются и вовсе «нейтральными, неверующими», т. е. относящими себя к православию по этнокультурному признаку. Иными словами, «православные» России – это, в подавляющем большинстве, граждане, отождествляющие себя с православием как с «традиционной религией». Квинтэссенцией их взглядов является формула: «Если человек никогда в жизни не причащался и даже не крещен, но верит в Бога и считает себя православным – значит, он православный» [25].

Новая религиозная идентичность представляет собой весомый ресурсный потенциал для политики. Устойчивость и широта религиозной идентичности, неисчерпаемый информационно-символический ресурс этого феномена позволяет российским элитам расширять и наращивать применение религиозного фактора в политическом процессе.

Продолжение наших рассуждений предполагает необходимость следующего уточнения. Наибольшим политическим ресурсным потенциалом для инструментальной эксплуатации со стороны государственной элиты обладает так называемая «*традиционная религия*» (православие). Термин «традиционная религия» широко используется и в социальной теории, и в политической риторике. Но в теории понятие «традиционной религии» не обременено дополнительной идеологической, политической коннотацией, а определяющий термин относит феномен к таким однопорядковым явлениям, как традиции, история, прошлое и т. д. Вместе с тем в политической практике «традиционная религия» наполняется идеологическим звучанием: объективно будучи фактором, оказывавшим существенное влияние на становление государственности, образ жизни и ментальность нации, образуя значимый фактор актуальной национальной идентичности, она политизируется и становится эффективным политическим инструментом, в отличие от

инных, «нетрадиционных» религий [15; 16; 17]. Поэтому верховная власть всегда укрепляет фундамент легитимности с помощью именно традиционной религии.

Социологи Института общественного проектирования заключают, что, во-первых, Россия – страна, население которой положительно относится к православию, а во-вторых, православная религиозность будет расти. Политический пафос этих выводов прямо указывает на то, что основной целью исследований является измерение границ политической аудитории «православных» и ресурсного потенциала православия как пространства социокультурно-политической идентичности.

Обратим внимание на следующее. Религиозный фактор эксплуатируется в российской политике, в первую очередь, не институционально, а символически. Религия, будучи институционализированным явлением, тем не менее в своем институциональном воплощении практически не влияет на мировоззрение и образ жизни россиян. Социологические исследования подтверждают, что «новые православные» отчуждены от церковных институций. По словам социолога С. Филатова, в постсоветской России «возник и утвердился тип религиозного поведения, для которого чуждо участие в общинно-приходской жизни. Для большинства прихожан (даже прихожан, а их меньшинство из отождествляющих себя с православием – Т. Р.) личные отношения со священником не требуются. Никакой потребности в каких-либо отношениях с остальными членами прихода они не испытывают. Для духовенства такой порядок также стал естественным. Есть верующие, есть священник, есть храм, но собственно общины нет» [25].

Это означает, что религия в качестве социального института политически не инструментальна. То есть церковь как центр общественной жизни, священник как представитель общественной группы, носитель общественно значимых идей могут воздействовать на политическое сознание лишь крайне узкой аудитории. По сути, она намного меньше, даже чем число православных, относимых социологами к воцерковленным, поскольку, согласно данным социологов, далеко не все исповедующиеся и причащающиеся находятся в прямом диалоге с приходом, со священником, епархией и Церковью в целом. Социологи показывают, что граждане не ощущают влияния Церкви на свою жизнь, более 50% россиян практически не придают значения этому институту (49%) [2].

Авторитет Русской православной церкви как политического института в России также относительно невелик. Более того, граждане сдержанно, скептически, без оптимизма, тем более энтузиазма, относятся к перспективам институционального роста РПЦ и экспансии ее участия в политике. Согласно опросу общественного мнения, проведенному ВЦИОМ, большинство граждан России предпочитает, чтобы Церковь больше занималась духовными и религиозными вопросами и не вмешивалась в политику. Мнение, что церковь должна воздерживаться от участия в политике, разделяет 75% россиян, каждый пятый из общего числа опрошенных убежден, что Православная церковь сегодня *излишне активна* в политических вопросах. Причем социально активные категории (молодежь, интеллигенция) наиболее категорично высказываются за ограничение социальной активности церкви вопросами веры и социального служения [2].

Об авторитете церкви в России свидетельствует и тот факт, что уровень доверия граждан к священнослужителям как к социальной группе уступает ученым (представителям этой профессии доверяют 66% опрошенных) и учителям (66%). Причем с 2010 до 2012 г. показатель доверия к священнослужителям существенно снизился (с 65 до 50%) [3].

Таким образом, социологические опросы подтверждают, что, при росте количества «православных» и значимости религии в общественной жизни, эффективность воздействия религиозного фактора на граждан через институциональные каналы в настоящее время невелика, причем сегодня у элиты нет оснований прогнозировать интенсивный рост эффективности институционально канализированной эксплуатации религии.

В политическом пространстве для актуализации институционального потенциала религии предпринимаются определенные действия. Так, 13 августа 2012 г. куратором взаимодействия с религиозными организациями России был назначен вице-премьер Правительства РФ Владислав Сурков. Это означает, что политическая элита возлагает большие надежды на то, что институциональная стабилизация РПЦ принесет устойчивый идеологический эффект.

Это кадровое решение также указывает на то, что власть осознает институциональную нестабильность традиционных конфессий. Таким образом, в современной России имеют место две тенденции. Рост значимости религиозного фактора, увеличение политической аудитории «православных» в их социокультурном понимании, с одной стороны, и невысокий уровень авторитета Церкви как социального института, с другой. Религия в России – не институт, а символическое основание социокультурной идентичности. Для большинства россиян религия – это ассоциативный ряд мифологизированных понятий и смутно очерченных образов («традиция», «русский», «икона», «святыня», «ратный подвиг», «Русское государство», «Святая Русь» и т. д.). Именно в таком качестве она эксплуатируется и в символической политике. Социокультурное содержание феномена «религиозной идентичности» указывает на то, что наибольший политический ресурсный потенциал религиозного фактора заключен в «новом» православии именно как в совокупности образов и символов, «мутных» знаковых конструкций зачастую невербализуемым образом, но надежно и прочно ассоциируемых самими «православными» с российской государственностью и национальной историей.

Поэтому в политическом дискурсе, прежде всего, в политике нациестроительства, презентации образа власти и формировании исторических конструкций актуализируется информационно-символический ресурс религии, именно он и эксплуатируется в формировании «повестки дня» российской государственности.

Нациестроительство или политика идентичности проводится большинством современных государств. Как правило, она направлена на формирование у нации определенных представлений о себе, своей истории, языке, культуре, религии. В качестве инструментов политики используются официальный язык, школьные программы, национальная история (память), культурное наследие, религиозный фактор, государственные праздники и символика. Политика идентичности призвана обеспечить интеграцию граждан одной нации и государства «поверх» социальных, этнических, конфессиональных границ. С другой стороны, она нацелена на обеспечение единства общества и политической власти, укрепление оснований политической легитимности. В этом отношении «нациестроительство является существенной частью борьбы государственной элиты за власть, влияние и поддержку» [15, с. 61].

Нам близка позиция О.Ю. Малиновой, полагающей, что политика идентичности является составляющей символической политики, под которой понимается «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [16, с. 145]. Государство в лице правящей элиты является не единственным актором символической политики. Однако ресурсный потенциал политической элиты – монополия на использование информационного пространства, правовую интерпретацию сущностей и понятий, возможность распоряжения культурным наследием, определения статуса символов, на формирование и презентацию образа власти, нации и государства – делает само государство основным субъектом символической политики и политики нациестроительства.

Символическая политика, как это ни парадоксально, более публична, чем многие иные пласты политики. Определенные методы интерпретации социальной реальности

навязываются гражданам, как правило, в информационно-символическом пространстве. Плотность информационно-символического потока и отсутствие конкурентных способов интерпретации социального и политического позволяет говорить об осуществляемом в политике идентичности символическом насилии.

В нациестроительстве – политике идентичности правящей элиты России в последние 20 лет основным проектом является «русский проект», инициаторы которого стремятся, с одной стороны, дистанцироваться от политики ельцинского периода и «национального нигилизма» «либералов-западников», а с другой — «придать современной российской демократии базовую легитимность в контексте не только последних пятнадцати лет, но и последних тысячи» [8, с. 5]. Проект «православной русской нации» отнюдь не является единой доктринальной всеохватывающей идеологией, скорее он представляет собой хаотическое сочленение нескольких «ограниченных» идеологических проектов [26]. Сама «православная нация» (здесь также немаловажен эпитет «великая») в символической политике нациестроительства является предельно расплывчатым понятием, не столько «допускающим строгое определение, сколько символом, мобилизационный потенциал которого определяется возможностями вариативного использования репертуара смыслов, циркулирующих в данном дискурсе» [15, с. 63]. «Расплывчатость» содержания понятия делает расплывчатыми его границы, соответственно – границы российской национальной макроидентичности в ее официальном прочтении. Поскольку в элитах нет единого понимания того, что вкладывается в понятия «российская нация», «русский народ», «великое Российское государство», следует ли осуществлять политику нациестроительства с опорой на императив этничности или империи, или нации-государства, на вооружение принят ограниченный идеологический проект, в котором внутреннее содержание идентичности состоит из многих несочетаемых концептов, а ее границы воображаемы и открыты.

Таким образом, основания и границы макрополитической идентичности не очерчены ни в элитарном дискурсе, ни в массовом сознании, однако в качестве одного из основополагающих концептов символической политики принято православие российской (русской) нации. Формирование и эксплуатация государственной идеологии, базирующейся (не в первую очередь, но в значительной степени) на актуализации православной идентичности.

В рамках политики нациестроительства религия и «представляющее» ее в информационном пространстве, в пространстве визуальных образов культурное наследие используется как инструментальный утверждения в политическом сознании россиян того понимания национальной идентичности и национальных интересов, которое актуально для текущей власти. В официальном дискурсе национальная идентичность трактуется сквозь призму идей о духовности и православии русского народа.

Политическая инструментализация новой традиционной религиозности строится на эксплуатации следующей закономерности. В ходе исторического развития (спонтанного, имманентного или вызванного внешними воздействиями), в ходе смены общественно-экономических формаций, при радикальной смене социальной структуры, резкой перестройке политической власти, идеологии тип культуры сохраняется, если не разрушается ее ядро, представляющее собой некую устойчивую «бытийственную» форму сознания, относящуюся к сфере социальной онтологии [9, с. 10-11]. Более того, все перечисленные изменения испытывают воздействие устойчивого ядра культуры. То есть даже в экстремальных ситуациях, связанных с последствиями социальных взрывов, воздействие подданнического ядра культуры на выработку актуального в настоящее время политического сознания и политического поведения переоценить трудно. Поэтому для обеспечения социокультурного и политического равновесия государственная элита прибегает к технологиям создания образа православной процветающей страны.

Политологи и социологи, создающие картину «новой растущей российской религиозности» сознают сложность понятия «православный» в его нынешнем звучании, все возможные конфликтные последствия акцентуации социокультурных границ по линии православие – ислам. Поэтому все более или менее *конкретные* составляющие «растущей» религиозности (этническая составляющая веры, культурная идентификация, практическая религиозность) остаются за границами информационного пространства и политического дискурса. Эта непрозрачность информационной среды дает возможность активно эксплуатировать как само «православное большинство» в качестве целевой аудитории для восприятия государственных идеологических посылов, так и понятие «православная Россия» в качестве одного из базисных в идеологии текущего политического режима.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Васильева О.Ю. Русская Православная церковь и Второй Ватиканский Собор. – М.: Лента-Пресс, 2004.
2. ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения). Результаты социологического опроса: Церковь и государство: вместе или порознь [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения): [Сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112956> (дата обращения 14.08.2012).
3. ВЦИОМ. Результаты социологического опроса: Представителям каких профессий доверяют россияне [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения): [Сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid> (дата обращения 06.08.2012).
4. Гараджа В.Н. Политика и религия // Наука и религия. – 1991. – № 3. – С. 28-36.
5. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. – М.: Изд-во ИСРАН, 2006. – С. 10-29.
6. Дробижева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ [Электронный ресурс] // Вестник института Кеннана в России [Сайт]. 2009 – №16. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Tolerantnost_i_priblemu.pdf.
7. Дробижева Л.М. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 6. – С. 25-34.
8. Исаев А. «Единая Россия» – партия русской политической культуры. – М.: Европа, 2006. – 40 с.
9. Кантор К.Н. История против прогресса. – М.: Наука, 1992. – 150 с.
10. Красиков А.А. Религиозный фактор в европейской и российской политике // Старые церкви. Новые верующие / Под ред. Фурман Д.Е., Каарнайнен К. – СПб. – М.: Летний сад, 2000. – С. 54-62.
11. Крестинина Е. Социально-политическая идентичность в условиях интеграции // Власть. – 2008. – № 4. – С. 36-38.
12. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис: Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 25-33.
13. Логинов А.В. Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 496 с.
14. Лункин Р. Прикладная социология для служебного пользования. «Единая Россия» создает образ православной процветающей страны // Портал-Credo.Ru. – 09.11.2006.
15. Малинова О. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et Contra. – 2007. – № 3. – С. 60-65.

16. *Малинова О.Ю.* Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
17. *Малинова О.Ю.* Официальная символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. – Полис. – № 2. – С. 3-18.
18. *Мчедлов М.П.* Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М.: Научная книга, 2005. – 45 с.
19. *Нуруллаев А.А., Нуруллаев А.Ал.* Религия и политика. – М.: КМК, 2006. – 330 с.
20. *Паин Э.А.* Общество без традиций перед вызовами современности // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 21-48.
21. *Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность. – М.: Academia, 2007. – 451 с.
22. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма»: «Постсекулярное» общество – что это такое? [Электронный ресурс] // Исламский портал: оперативно о вечном [Сайт]. URL: <http://www.islam-portal.ru/mnenia/100/1411/>
23. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 637 с.
24. *Черняховский С.* Враги и гости. Сложности мультикультурализма [Электронный ресурс] // Русский журнал [Сайт]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Vragi-i-gosti>
25. *Яковлева Е.* Вера по понедельникам. Положение религии в современном российском обществе // Российская газета. – 2006. – 9 ноября.
26. *Freeden M.* Editorial: Political Ideology at Century's End // J. of Political Ideologies. – 2000. – Vol. 5. – No. 1. – P. 14.
27. *Messner F., Bastian J.-P.* Minorités religieuses dans l'espace européen: approches sociologiques et juridiques. – Paris: Presses Universitaires de France, 2007.
28. *Robertson R., Chirico J.* Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: a Theoretical Exploration // Sociological Analysis. – 1985. – Vol. 46(30).